

Анна Ромашко

*Самый
счастливый
крест*

**Откровенные рассказы
многодетной матушки**

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2019

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р-902-0066

От автора

Дорогие читатели, представляю вашему вниманию глубоко автобиографичное произведение, вобравшее в себя литературные опусы, созданные мной в течение двух десятилетий, за которые в нашей семье — священника Андрея и Анны Ромашко — появились на свет восемь детей. Из таких зарисовок и состоят главы книги. Они написаны, что называется, с натуры, под свежим впечатлением: так могли бы выглядеть фотографии или скетчи, будь я художником. Части повествования, объединенные временем, в которое происходили события, расположены в обратной хронологии. На мой взгляд, такая форма изложения мыслей лишена назидательности и какого бы то ни было давления на читателя, наиболее искренна и чужда искусственности. Главы о деторождении выглядят как погружение в размышления о редко затрагиваемой в литературе теме родов, изложенные сквозь призму обстоятельств бытования нашего семейства.

От читателя вряд ли укроется тот факт, что настроение повествования несколько изменяется в минорную сторону по мере углубления в прошлое. И это не случайно: мое сегодняшнее отношение к жизни и уровень ее «счастливости» разительно отличаются от аналогичного показателя, например, десятилетней давности, хотя возраст, некоторые проблемы со здоровьем, недостаток сил, по идее, должны создавать обратную закономерность.

Ромашко А.
Р69 Самый счастливый крест : Откровенные рассказы многодетной матушки. — М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2019. — 336 с. — (История одной семьи).

Как правильно понимать всем известные слова апостола Павла о том, что женщина *спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием* (1 Тим. 2: 15)? Автор книги, жена священника и мама восьмерых детей, считает, что эти возвышенные слова означают обычное для женщины семейное поприще — воспитывать детей собственным примером, начиная с их внутриутробного бытия. Особый интерес представляют практические советы многодетной мамы. Книга — автобиографическое произведение, где размышления о беременности, деторождении и христианском воспитании изложены сквозь призму обстоятельств жизни большого семейства. Невзгоды, неизбежные болезни и скорби, радости, любовь и чувство благодарности — что же такое самый счастливый крест?

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2019

© Ромашко А., текст, 2019

Что касается жанра книги, единственно, что приходит в голову — это моногата́ри. Таково общее наименование повествовательных жанров в японской литературе IX–XIV веков, включающее стихи, волшебные и бытовые повести, собрания новелл, предания, романы, эпопеи, то есть моногата́ри — это смешение нескольких жанров в одном произведении.

Я родилась и жила до семнадцати лет в городе Ташкенте, как, впрочем, и три поколения моих предков, потом, в связи с распадом СССР, переехала с семьей — мамой — преподавателем консерватории, папой — фотографом, сестренкой, только вступившей в отрочество, — в Новосибирск. Пришла к вере в девятнадцать лет, в двадцать один вышла замуж за выпускника Новосибирского государственного университета, молодого верующего геолога. Супруг родился в семье народного артиста Российской Федерации Ивана Ромашко, крестился в четырнадцать лет, алтарничал в Александро-Невском соборе, был иподиаконом преосвященного епископа Сергия (Соколова) и в двадцать три года по его благословию принял священный сан. Я окончила факультет журналистики Сибирской академии государственной службы. На последнем курсе устроилась на работу в школу, где успела полгода проработать преподавателем английского языка — до рождения первенца — и пробыть пятнадцать лет в декретном отпуске.

Была награждена Патриаршим знаком Материнства II степени за чадородие и жертвенное материнское служение; администрацией Новосибирской области — знаком отличия «Материнская доблесть» II степени, медалью за труд на благо города к 110-летию Новосибирска, грамотами и благодарственными письмами от губернатора Новосибирской области, Совета депутатов города Новосибирска.

Мои восьмые роды

Роды — это как суд Божий. Тем более восьмые. Здесь все быстро, мозги кипят, больно, страшно — чего уж скрывать... И от этих суматошных минут зависит жизнь нового человека, пока такая маленькая — и такая большая жизнь.

Первая схватка была как что-то теплое внизу живота: разлилось волной и прошло. В тот вечер мы с детьми сидели над старой японской камерой с малюсеньким экраном и смотрели видеозаписи на допотопных неоцифрованных кассетах.

Маленький лобастенький мальчик, «ножки иксом», в красных сандалетах стоял на берегу Оби рядом со своей старшей сестрой, белокурой девчушкой в растянутых белых трусиках, и прутиком пытался дотянуться до воды. Это мои теперь уж подрощенные погодки — 16-летний Иван и 17-летняя Лиза — как зачарованные смотрят в свое быстро умчавшееся младенчество, не веря собственным глазам, и пытаются меня разговорами «за жизнь».

Время приобрело нереальную скорость. У нас нет ни одного проводочка в хозяйстве, чтоб подключить видеокамеру 1997 года выпуска к нынешнему компьютеру или смартфону. Эти малютки в смешном кукольном экранчике живут в другой, безмятежной и милой жизни, где молодая мама, еще не беременная

их сестрой Мариной, стоит стройная, в купальнике, босиком, но боится разуть детей, не зная об очевидной пользе летнего песочка для маленьких ножек.

— Мама, как все изменилось...

Вторая схватка следует через полчаса. Я тоже не могу воспринять ее как предвестник родов, еще три недели до официального срока, даже не пытаюсь обдумать, что происходит... Продолжаем беседовать с детьми.

— Когда мы с папой осознанно пришли в храм, то были чуть старше, чем вы сейчас. Я — в девятнадцать лет, а он еще раньше и к девятнадцати годам твердо решил стать священником.

Почти три десятилетия назад, в конце прошлого века, многие искали смысл жизни: после провала советской доктрины соотечественники лишились не только привычного, застойными десятилетиями налаженного порядка вещей, но и духовного содержания. Идеалы рухнули, и воспитанные советской культурой интеллигенты — многомиллионная «прослойка» общества — выстроились в очереди креститься. Люди хотели «запретного» Бога. Реальность внутрицерковная того времени была такова, что практически каждый юноша, мужчина, начинавший воцерковляться, мыслил себя батюшкой, а девчонки пели на клиросах и оттуда их расхватывали прямиком в попадьи. Недаром тогда было столь расхожим выражение «молиться, поститься и слушать радио “Радонеж”». Фактически так мы и жили.

С тех пор наш православный мир стал гораздо сложнее, богаче и монолитнее, общество же, напротив, расслоилось и некоторым образом обезличилось.

Детям нашим предстоит свой путь в мире — другом, не «мамино и папино», а в своем собственном, и согласовывать себя им придется не с нами, а с этим «незнакомцем». И рук нам здесь не подставить — только молиться.

Собственно, эта тема была в тот вечер главной в нашем непростом разговоре с детьми, и я, очевидно, слишком впечатлилась, по крайней мере, для своего положения.

Пришел домой батюшка, накормила его; дети в это время укладывались спать. Тут наконец я почувствовала первую, довольно болезненную схватку и осознала, что происходит. Муж спешно завел машину и оделся, я собрала необходимые документы, бросила их в заранее подготовленную сумку, добавила гигиенические принадлежности и посуду.

Разбудили старшую дочь, фактически мы переложили ее на нашу постель, поближе к младшему сыну, и поехали рожать.

Схватки нарастали стремительно. Попросила дорогого супруга никуда пока из приемного покоя не уходить, несмотря на тревогу за оставшихся дома ребятшек.

Врач, после осмотра обращаясь к медсестре, довольно строго порекомендовала побыстрее взять анализы и привести меня в родовую.

И началось. Схватки очень быстро стали невыносимыми. А медсестра, вставляя в вену катетер, требовала сесть ровнее, прямо положить руку, не двигаться. При этом мило улыбалась, говорила, что мое имя в переводе означает «благодать», поэтому все будет у нас с ребенком хорошо. Я совершенно изнемогла от боли и к тому же почувствовала, что начинаю

терять сознание. Остатками чувств успела испугаться, свободной рукой стала хлестать себя по щекам. Это вызвало негодование медсестры.

— Что вы делаете? Имейте веру с горчичное зерно!¹

Надо же, попалась мне либо новоначальная православная, либо адепт одной из протестантских конфессий! Тут уж я сама в ужасе взмолилась: «Господи, помилуй!» Я не на шутку боялась, что эта милая женщина сейчас начнет мне проповедовать свое понимание христианства, а я тем временем помру.

В итоге, по милости Божией, катетер мне вставили в руку, где вен вообще никогда никто не находил, даже в реанимации! Имейте веру...

Между ужасными схватками я из последних сил просила, чтобы меня наконец отвели в родильный зал, но, оказывается, я еще должна была самостоятельно отнести мужу свои вещи, в которых приехала (и взамен которых штатно выдают «стрекозиные крылышки» — нечто воздушное из нетканого материала).

В этих самых «крылышках», корчась от боли, с сумкой в руках, вызвала мужа из приемного покоя. Увидев меня в таком состоянии, он, пожалуй, даже чересчур эмоционально потребовал, чтобы меня отвели рожать. Медсестра, по всей видимости осознала, что у женщины — восьмые роды, и повлекла меня к лифту.

Лифт вечность ехал на второй этаж. Путь до стола показался туристической «двоечкой» с форсированием горной реки. Наконец я кое-как забралась на

кресло. Последовали стремительные, за одну потугу, роды. Боли почти не было.

Все закончилось, мне на грудь положили совершенно синего ребенка, с которого сняли туго обвившую вокруг шеи петлю пуповины. Малышка плохо дышала, пришедший реаниматолог унес ее в отделение интенсивной терапии, поставив семь баллов по шкале Апгар.

А в приемном отделении тем временем муж «оформлялся в роды», то есть заполнял множество бумаг и подписывал за меня различные соглашения. Страшно себе представить, что все это пришлось бы делать мне самой.

Оговорюсь, что вообще-то на следующей неделе я планомерно должна была лечь в стационар и до родов спокойно лежать в отделении патологии беременных. Но вышло иначе — наша дочь родилась раньше срока с признаками фетопатии новорожденных и асфиксией: она шумно дышала, словно постанывая, была отечная и первую неделю своей жизни нуждалась в кислородной маске. Мы попали домой лишь спустя девятнадцать дней, отлежав еще почти две недели в больнице с пневмонией и высоким билирубином. Прекрасно отдаю себе отчет, что, если бы не профессионализм неонатологов в родильном доме — в отделении реанимации и в патологии новорожденных городской больницы, наша малышка умерла бы вскоре после родов. Слава Богу, наконец мы оказались дома, вместе — и окрестили нашу доченьку.

Мое пребывание в роддоме, в послеродовом отделении, было впервые для меня — без ребенка, которого можно покормить грудью, понежить в объятиях. Я лишь два раза в день могла на пять минут зайти

¹ См.: Лк. 17: 6.

к Матроне (как мы ее нарекли) в реанимацию постоять над ней, тихо помолиться, осенить ее крестом, погладить маленький лобик.

Доктор ежедневно извещал меня о добрых переменах в состоянии деточки: на третий день убрали трубку аппарата искусственной вентиляции легких, заменив ее на кислородную маску, исчез зонд, а молочную смесь ребенок научился высасывать из шприца. Вскоре из трубок остался только внутривенный катетер в пупочную вену с глюкозой и антибиотиками.

Малышка лежала под синими лампами и потихоньку теряла свои отеки. Она родилась с избыточным весом, так как у меня с 2010 года во время беременностей возникал сахарный диабет. Из троих детей, родившихся с таким диагнозом, Матрона оказалась первой пострадавшей.

Избыток в весе для нее был примерно равен семистам граммам, поэтому, когда Мотя потеряла лишние четыреста, она стала выглядеть более или менее нормально, без щек, лежащих на плечах, припухлых спинки, икр и синюшных пяток.

Грудным молоком накормить ребенка в реанимации мне не удалось. Здесь, в родильном доме городской больницы, как ни странно, нет стерилизаторов для материнского молока, нет бутылочек, нет даже места для сцеживания. Это печальное упущение, естественно, побуждало меня вдвойне заботиться о сохранении лактации.

И вот наконец реанимобиль перевез нашего младенчика из родильного дома в детскую больницу. Мне обещано было совместное пребывание с Матроной и возможность грудного кормления. Представьте себе мое состояние, когда я вошла вслед за медсестрой

в стерильный бокс и увидела там крохотную доченьку, совершенно одиноко лежащую в пластиковой люльке. Обняться и не отпустить.

Но, увы, не все сразу. И здесь, на посту медсестры, мне пришлось слушать долгие разговоры о больничных порядках и подписывать кучу бумаг, прежде чем я смогла прижать к груди малышку. Каково же было мое страдание, когда медсестра сообщила мне, что грудью кормить запрещено! Пока врач не даст своего разрешения, это невозможно!

Медики вскоре ушли, так и не сказав мне ничего нового о возможности самой кормить ребенка. Девочка наша проснулась! Нянечка внесла бутылку со смесью, сразу покинув нас, а Матрона у меня на руках стала искать грудь.

Я не смогла отказать ей, простите, уважаемые врачи и все на белом свете медицинские сестры! Слава Богу, оказалось, что сосет ребенок хорошо и совершенно не желает отрываться и брать бутылочку. Грудное кормление было официально разрешено тем же вечером. За время пребывания в больнице мы прибавили в весе четыреста граммов.

Так началась наша счастливая больничная жизнь. Мы все перенесли безропотно и с благодарностью. Мы терпели все уколы, анализы — в любое время суток — и капельницы в голову, которые дважды рвали венку и надували устрашающие подкожные «опухоли» из глюкозы. Нам были нипочем компрессы из магнезии и фототерапия, любые обследования и больничная диета. Единственное, за что я переживала, — необходимость оставлять ребенка одного в боксе, чтобы поесть, так как в палатах ни есть, ни хранить пищу нельзя.

Матрона. 2017 год

В больнице легко молиться. И слезы, какими бы горестными они ни были, учат и очищают, укрепляют гораздо лучше любых радостей жизни. Бывает страшно, осознавая, что вот мне сорок лет, а на руках восемь детей, двое из которых — несмышленные младенцы. «Берет за жабры» и сослагательное наклонение: а если бы ты в родах умерла? А если бы ребенок...

Я, конечно, не знаю, что будет с нами дальше. Но понимаю, как опасно жить одной ногой в будущем времени, ведь уже в настоящем столько нужно думать, о стольких людях позаботиться, полюбить. Важно сейчас быть мужественной. Зачем мне отягощать себя тем, что лишь от Бога зависит?

Вот наше благодарное сегодня — я самая старородящая мама в роддоме, в патологии новорожденных, и с умилением твержу: «Господи, благодарю, милостив буди нам грешным!»

О мамах и детях

Так совпало, что родильный дом областной больницы города Новосибирска закрылся на санитарные дни, и родильницы из области оказались «на горке», как у нас называют 1-й роддом городской больницы. Контингент — патологические роды, которые необходимо планомерно отправлять в город, — в основном простые женщины, надорванные трудом и алкоголем, разговаривающие с матерщиной.

Когда я оказалась в палате из восьми мамочек с детьми, то не смогла выдержать поток бранных слов, вежливо попросила перестать употреблять мат. Женщины хоть и не прекратили, но несколько утикли.

Однако вместе с тем у них упало и настроение, а шутки, разные неприличные разговоры уступили место унынию и слезам. Словно из мата они черпали какую-то энергию и, бросив материться, иссякли, обессилели.

Порадовало, что по сравнению с прошлым десятилетием возросло количество мам с двумя и тремя детьми. К сожалению, часто третьего ребенка рожают не от первого мужа и переживают, как там дети с новым папой уживутся в их отсутствие, либо детей приходится оставлять на пьющих бабушек-дедушек. Особенно поразила история о том, как четырехлетний ребенок сам себе сварил на газовой плите яйцо, потому что был один...

Много лежало женщин с городских окраин. Муж с образованием в семь классов, в постоянных поисках работы, не пьет, но выпивает; бабушка-алкоголичка, дети на учете у психиатра. Сама мама изо всех сил пытается тянуть эту лямку и вырастить из деток людей. Соседки по палате спрашивали ее: почему не сделала аборт?

— Люблю детей, на аборт без показаний не соглашусь.

В больнице столкнулась с послеродовым неврозом — молоденькая мама близнецов, которых лечили от пневмонии новорожденных, кричала на них истощенно и хлестала по щекам. Соседки из ближних боксов едва не написали совместное письмо в органы опеки, как я поняла, чтобы найти «управу» на «психопатку». Но их вовремя остановили — мол, дети гарантированно окажутся в доме малютки, и с женщиной начал работать психолог. А ведь так можно и вовсе перформативать сознание людей! Вот по телевизору

показывают сюжеты о лишении родительских прав, и можно, например, устранить неудобную многодетную соседку, достаточно пожаловаться в опеку, и никто не будет шуметь!

Еще удивил отец одной чудесной девочки, который всю беременность по-хамски обращался со своей красавицей женой и продолжил это делать, когда она с ребенком оказалась в больнице. Причина: женщина родила ему дочь вместо ожидаемого сына. Это их второй совместный ребенок и тоже девочка. Очень тяжело оказаться в таком положении несчастной маме, особенно когда у ребенка внутреннее воспаление — высокий лейкоцитоз с неясной перспективой...

Со мной в палате родильного дома лежала молодая киргизка, Амина, двадцати двух лет. Она очень хотела кормить дочку грудью, но не получалось. Всех спрашивала, никто не помог, ничего не объяснил толком. Амине понравился мой аппарат — молокоотсос: она думала, что если она такой получит, то с легкостью научится кормить ребенка и будет много молока.

Пытаюсь ей объяснить, что ребенок в руках — это самый лучший молокоотсос, а я им пользуюсь здесь лишь для того, чтобы сохранить молоко, пока моя малышка лежит в реанимации.

Не верит. Мы с ней долго бьемся, так и этак прикладываем ребенка к груди, мучается стоя — сесть нельзя из-за швов. Лежа пока совсем не выходит. Наконец, после часа борьбы, получается! Малышка сосет, мама довольна — тишина, красота!

Приносят докорм, который немедленно оказывается съеден, но маму малышка никуда от себя не отпускает: требует грудь снова и снова.

— Почему она так? — спрашивает Амина.

— Боится, что ты больше не дашь ей грудь, — смеюсь я, — скажи, что ты не отберешь совсем, что будешь ее кормить.

— Она слышит? Понимает? — всерьез спрашивает Амина.

— Конечно!

Тогда маленькая женщина, наклонив голову прямо к уху своей дочурки, долго и протяжно обещает ей на родном языке, напевая и цокая языком, что она никогда не бросит ее, что будет кормить сама, что любит... Стоя, в неудобной позе, терпеливо, улыбаясь жадности своей малышки, которая никак не хочет расстаться с маминой грудью.

А я представляю себе город Джалал-Абад где-то в Ферганской долине. Его окружают предгорья Тянь-Шаня, красное большое солнце садится в горное озеро Токтогул. Климат субтропический... Здесь есть целебные грязи и источники — курорт. Но тем не менее периодически вспыхивают межэтнические беспорядки, хоть и не такие, как в 2010 году. Воюют киргизская и узбекская диаспоры.

Амина живет в Сибири. Дочка долгожданная. Вторая беременность после выкидыша. Ребенок хнычет, жадничает, требует грудь, мама улыбается... Амина лежит здесь как гражданка другого государства — платно. На родине вся ее семья выращивает клубнику. Ее супруг с утра до вечера на рынке, родители и четыре брата по очереди навещают молодую женщину, принося ей то горячие тандырные лепешки, то суп из баранины. Россия, как всегда, для всех: терем-теремок... Кто в теремочке живет?

Российский родильный дом — это самое стерильное место в галактике. Я, конечно, не имею в виду

чистоту поверхностей. Здесь люди, в силу царящих исстари порядков, вынуждены избавляться временно от всего внешнего, наносного, становиться чуждыми любой эстетике. Все одинаковы — бесформенная ночная рубашка из грубого полотна, неизменно рваный халат с печатью... Ни косметики, ни даже белья... Только тапочки разные. Как сказала одна женщина в очереди на обработку швов:

— Я за теми черными сланцами...

Обнажаются все отношения: никто не может ни от кого скрыться: наряду со счастливым и спокойным материнством здесь разворачиваются маленькие и большие трагедии, разыгрываются настоящие драмы. Если бы мужчины, которым сегодня есть что отмечать с друзьями в отсутствие жен, одним глазком бы посмотрели на отчаяние и боль своих любимых, которым совершенно нельзя расслабиться ни на минуту...

Нужно кормить детей уже спустя пять-шесть часов после родов, не обращая внимания на боль в животе, когда до крови трескаются соски, а малыш сосет сутками... Непонятные осложнения, диагнозы скороговоркой... А поддержки нет. Никто не подскажет, как правильно кормить, что является нормой, а чего стоит пугаться... Супруг гулеванит, дети дома без присмотра: послеродовая депрессия наступит обязательно, просто на фоне нервного истощения.

Радостно, что женщины даже в таких обстоятельствах остаются, за редким исключением, человечными и добрыми, стараются друг друга поддержать и развеселить. Ничего не может изуродовать материнство — ни ужасные больничные халаты, ни потерявшие привлекательность, раздутые после родов животики,

ни бледность, ни кровавые простыни, ни отеки и швы... Здесь радость, счастье, боль — все на острие жизни! Здесь, несмотря ни на что, любовь и — распахнутая дверь в будущее.

О благословении детей

Без поддержки наших родителей нам было бы невозможно выжить и воспитать детей.

— Здоровая девочка родила здоровую девочку, — так любила приговаривать, глядя на нас с Лизочкой, моя дорогая свекровь, мамочка и бабушка наших детей.

Вот такое благословение родительское мы получили еще в роддоме, и потом не раз с благодарностью вспоминала я эти слова. Родители мужа всегда окружали нас облаком любви, в этом и секрет нашего общесемейного благополучия. Сейчас мы живем в одном многоэтажном доме: мы — на одиннадцатом, а родители — на четвертом этаже. Мама часто зовет меня:

— Приходи, доченька, посидишь в тишине, поешь.

И каждый раз, когда я, вставая из-за гостеприимного маминого стола, ухожу домой, папа троекратно осеняет меня крестным знаменем. За мной захлопывается дверь, а я нередко в лифте смахиваю слезы умиления.

Про динозавров

Папа научил Пашу вить гнездо из одеяла и вылупляться из яйца. То, что вылупилось, оказывалось мирным, травоядным динозавром. Любвеобильным,

динозавриком с длинной шеей, чтобы можно было срывать листья с верхушек даже самых высоких деревьев! Юному динозавру нравилось сворачиваться клубочком в гнезде, то бишь у дремлющего папы в ногах, и периодически взбираться ему на бок, как на Арарат.

Идея отменная. Но сегодня, в восемь утра, когда папы уже в помине не было, а мама наконец спала, уложив по третьему разу Мотю с ее хлюпающим носом, Паше пришлось вылупляться. Приступил он к этому делу очень решительно, запрыгнув мне на живот вместе с тяжелой гречневой подушкой. Потом долго пытался свить гнездо с помощью своих острых локтей и колен и наконец вылупился.

Неожиданно, буквально экспромтом, оказалось, что на сей раз в гнезде лежала кладка тираннозавра. Никаких вам диплодоков.

— Зубастик! Называй меня зубастиком! — завопил новорожденный и разбудил Мотю.

Итог. Пока я, спасаясь от острых зубов, делала омлет, два мелких тираннозавра хищно рыскали по столовой в поисках пищи, периодически покусывая друг друга за бока и издавая свое фирменное рычание.

Вопрос: почему маме достаются тираннозавры, а папе — диплодоки?!

Возверзи на Господа печаль твою²

Я всегда с большой внутренней тревогой смотрю на жизнь старшей дочери: слишком она прямая и красивая. За таких детей родительское сердце особенно

² Пс. 54: 23.

болит. На втором курсе педиатрического факультета ребята из группы, где учится Лиза, подарили ей на день рождения целую коробку с подарками. Невероятно трогательно: каждый положил туда что-то от себя, много милых и полезных мелочей и, как сейчас говорят, вкусняшек. А одна девушка, кажется, восточных кровей, сказала ей как бы от лица всей группы:

— Я хочу поздравить твоих родителей, что они воспитали такую дочь! Передай им от нас спасибо!

Спасибо — это за то, что Лизка всегда за них переживает на коллоквиумах: как сдаст сама, садится на первую парту и помогает всем, кто не совсем уверен в своих знаниях. И даже если у нее «автомат», приходит ради друзей, объясняет, показывает, а иногда и подсказывает, хоть и с небольшими сомнениями в правомерности своих действий. Самое главное, педагоги не бьются против.

Лиза чрезвычайно артистична, и если раньше я смотрела на этот талант только сквозь призму профессии актера, то сейчас, глядя на дочь, понимаю, как прекрасно иметь его в арсенале способностей. Артистизм — это умение взять себя в руки, правильно выбрать тон общения, интуитивно почувствовать, как вести себя в тот или иной момент, держать лицо и масса прочих плюсов! Единственный минус — желание быть на сцене, которое Лиза для себя определила как «ненужное» в плане профессии, не раз превращалось в плюс: тут и участие в школьных и студенческих постановках, и мгновенное запоминание стихов и драматургического текста, и просто талант рассказчика.

Лиза выбрала благородную профессию, трудное искусство медицины. Я спрашивала, не жалеет ли она об упущенных возможностях, ведь театральная стезя

сулит успех, более вдохновенный труд, творчество. Лиза рассудила, что современный мир театра и кино редко бывает целомудрен и с ее убеждениями можно легко остаться без работы вообще.

Как сложится Лизочкино будущее, семья, замужество? Пишу... и плачу. Спасибо, Господи, за первенца, сохрани ее на всех путях ее жизни, благослови!

Благословение отца Василия

У нас в Новосибирске есть очень строгий священник. Он служит далеко, на краю города, в храме рядом с кладбищем. Моя подруга часто пользуется его духовными советами, и каждый визит к нему как баня. Хороший такой стимул изменить свою жизнь к лучшему.

Решилась и я привезти свое семейство на благословение к отцу Василию.

Заручившись поддержкой супруга, отложив множество дел, я проделала серьезную работу по сбору детей из разных мест города. Наконец все, кроме двоих старших, — у меня в машине. Только Ваню и Лизу мне предстоит подобрать на шоссе по пути к храму — им легче здесь со мной встретиться.

Пока ехали, Марина вызвалась прочесть каноны, открыла молитвослов на телефоне и читает потихоньку покаянный канон ко Господу. Затем — молебный, ко Пресвятой Богородице. На девятой песне впереди замаячила фигура Ивана. Я останавливаюсь, он шумно плюхается на переднее сиденье и заявляет, что последний раз ел в полдень и нужно остановиться около магазина с пирожками. Марина шипит на него и продолжает читать канон.

Ваня негодует:

— Молебное настроение у них! А вокруг все умрите!

Марина красноречиво замолкает. Я прошу дослушать канон, но Иван настаивает на своем. Я припарковываюсь, и он несется в супермаркет.

Марина заканчивает молитвенное чтение на фоне всеобщих требований дать им тоже пирожок. К моменту, когда Иван возвращается в машину, у нас уже практически сидячая забастовка, не хватает только транспарантов.

Ваня делает рот «куриной гузкой» и недовольно пересчитывает пирожки с черникой: он не рассчитывал на такое количество едоков.

Тут уж бастую я! Если эти пирожки расчехлить, то получится настоящее оружие массового черничного поражения! (Дети все нарядные и чистенькие.)

Ваня закатывает глаза, но соглашается... Ропщет, что он сегодня после службы хотел бегать свои тридцать кругов на стадионе, а это значит, что поесть он сможет теперь только поздно вечером, после тренировки.

Я робко замечаю, что сейчас нужно думать не о том, а об исповеди у отца Василия.

На следующей остановке мы видим Лизу, которая видит нас и делает круглые глаза. Ее можно понять. Машина моя напоминает чистилище и воющих грешников. Младшие дети разноголосо требуют пирожки, а Ваня на повышенных тонах заявляет уже пятый раз, что он у отца Василия исповедоваться не будет, что ему хватило в детстве, когда он по наивности сам пошел к нему под епитрахиль... (и его наконец-то хорошенечко отругали, вспоминаю я).

Пытаюсь мягко объяснить, что наша жизнь катится под откос: везде хаос и надо как-то исправляться, что папа благословил... но Иван лишь еще громче верещит и отказывается. Я его перекрикиваю конечно же... немея от испуга, что перед исповедью так неподобающе себя веду. Одним словом, до храма мы едем в зловещем молчании.

Приехали к литии. Зашли в храм, отец Василий стоит в притворе и поминает святых. Дети застыли по правую и по левую руку от батюшки... все, кроме Ивана! Напуганный близостью грозного старца, он застрял между дверями церкви. С некоторым сопротивлением я его оттуда все же вытягиваю.

Пока отец Василий служил литию, дети, очевидно робея от близости священника, стояли смиренно. Но как только он, забрав благословенные хлебы в алтарь, скрылся, мы выяснили, что окружены строгими прихожанками и монахинями, которые нас видели впервые и оглядывали с подозрением, тем более что наша маленькая Мотя стала странным образом вздыхать и охать.

— О-о-ой! Ой, ой ой! — говорила она, с испугом прижимаясь к сестре и оглядывая темный притвор и суровые лица монахинь.

Через полчаса нашего пребывания в церкви к Лизе с Мотей на руках подошла матушка игумения и спросила, крещен ли наш младенец. Лизка что-то пролептала утвердительно. Тогда матушка пожалала плечами и довольно громко спросила:

— Что ж вашему ребенку так неможется-то?

Тут всем и, главное, нам самим стало окончательно ясно, что у нас проблемы. Ваня с тяжким вздохом удалился с охающей Матроной за дверь, и, глядя

Встречаем новый, 2019 год

в окно, я периодически наблюдала, как он бегает за ней по церковному двору.

Служба шла своим чередом. Обаятельный трехлетний мальчик Паша решил обследовать все вокруг. На чтении шестопсалмия он зашел в загородку к монахиням и довольно громко спросил, есть ли у них что-нибудь вкусненькое? Матушки неуставно засуетились, и в итоге Паша встал рядом с чтецом у аналоя, победно показуя всем обретенную шоколадку.

Я конечно же ее отобрала, представив, как сочно он будет сейчас шуршать фольгой. Правда, голыми руками Пашу оказалось не взять: понадобилась помощь подросшего старшего брата, который сдал Мотю Лизе и отправился теперь нарезать круги вокруг храма вслед за вырывавшимся Павликом.

Кафизмы прочли три, по монастырскому уставу. На второй не выдержали Маша, Саша и Сима. Теперь мимо окна пронеслась целая команда легкоатлетов. Я попросила Марину сменить брата... В храме остались лишь мы с Лизой. На полиелей, однако, ввалились все, развеселые и красные. Мотя снова принялась охать, а пожилые прихожанки — вздыхать.

К моменту помазания я окончательно струсилась и невпопад спросила у отца Василия, не исповедает ли он нас сегодня. Батюшка с изумлением взглянул на меня и отрицательно покачал головой.

Оставшуюся часть службы я то и дело отводила глаза от буквально искрившегося от возмущения Вани. Наконец он не выдержал и громким шепотом высказал мне, что мои фантазии ни к чему хорошему никогда не приводят, что лучше бы он пошел на службу в свой храм и получил бы оплачиваемый выход на клиросе, чем тут позориться.

Я очень ждала окончания службы — подойти к батюшке, чтоб он нас хотя бы благословил. Думала, что, может, он мне скажет слово.

Вместо слова был взгляд. Во время каждения, после 8-й песни канона, батюшка с кадилом задержался около моей фигуры, выразительно посмотрел на мой живот. Я сразу все поняла: небеременная, но весьма округлая тетя ненормально выглядит на фоне поджарых и аскетичных монахинь и прихожанок. Надо сказать, что на самом деле чревоугодие — это мой основной грех. И я как раз ехала в надежде, что батюшка поможет мне сдвинуть с мертвой точки мою бездуховную жизнь. Одним словом, мы с отцом Василием хорошо друг друга поняли...

Содержание

От автора	3
Мои восьмые роды	5
О мамах и детях	13
О благословении детей	18
Про динозавров	18
Возверзи на Господа печаль твою	19
Благословение отца Василия	21
Про тишину	27
Авария	28
Про домофон	29
Тапочки	30
Паломничество в город на семи холмах	31
Иван Андреевич Ромашко	41
По отцовским молитвам	42
Путь артиста	45
О семье	49
О дружбе	50
«Слава силе Твоей, Господи!»	51
Седьмые роды	54
Один день из жизни большой семьи	63
Юлдуз	75
Небьющаяся чашка	82
Полет дракона вокруг парикмахерской	83
Кирпич	84
Наши будни	84

Настоятель	95
Рождество	98
О времени	99
Марина рисует	100
Катюша	101
Шестые роды	103
О материнстве	110
В непогоду	111
Приезд архиерея	113
Интервью по поводу награждения знаком отличия «Материнская доблесть»	114
Шантаж	116
О женской логике	118
Пастухи	119
Мы и музыка	120
Прекрасное	122
Открытка	122
По-братски	123
Град	123
Говорят дети	125
Моя крестная	125
О церковном календаре	126
Пятые роды	128
Первое сентября	138
«Христос воскрес!»	140
Молчаливое страдание	140
Воспоминание Т. Д. Соломатовой	141
Счастье	142
Православный женский день	144
Зарисовки	145
Людмила и Наталья	147
Бабушка	149
Крестный ход	151

Мои четвертые роды	152	Искушение Натальи	241
Машенька и Сашенька	155	Архимандрит Макарий (Реморов)	244
Святая блаженная Матроно, моли Бога о нас! ...	157	Монахиня Ольга	246
О многодетных семьях прошлого столетия	158	Николай Николаевич Тетюцкий	255
Матушка Т.	158	У ребенка больное сердце... ..	257
Бабушка У.	158	Рождение первенца	258
Матушка Н.	159	Ташкент	263
Бабушка К.	159	Азия	264
Дочь священника	159	Памяти епископа Новосибирского и Бердского	
Раба Божия Л. (отвечая на вопрос, откуда брать		Сергия (Соколова)	266
силы)	160	Тома	268
Главная победа моего дедушки	160	Воспоминания о юности	271
Памяти Натальи Николаевны Соколовой	163	О настоящем мужестве	273
Из детства дальнего	169	О главном	274
Исповедь на Крестопоклонной	172	О воспитании детей, публицистические опусы ...	282
Великопостное	174	Жены-мироносицы: уязвленные правдой	282
Как дедушка склеивал бабушкины мечты	177	Иди и не грши	285
Ева	179	Встречая нового человека	286
Дедуля	186	О многодетности	294
Третьи роды	191	Воспитание ребенка: приветливая вселенная ..	295
Семья Жуковых	197	«Могу стать матушкой»	303
Бабушка Галя	203	Кормлю грудью	307
Святой Николай Японский	205	Тридцать заповедей многодетной мамы	312
Одиночество	207	Исаие, ликуй!	315
Аквариум	207	2003 год	315
Фонарь, аптека... ..	208	2008 год	322
Аппендицит	210	День радости	326
Свидание	222		
Чудо-остров	223		
Мои вторые роды	227		
Я не устала	235		
Про матушку Ирину	237		
Не спеша	240		

*Духовно-просветительская
православная литература*

Серия «История одной семьи»

Анна Владимировна Ромашко

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ КРЕСТ:

**ОТКРОВЕННЫЕ РАССКАЗЫ
МНОГОДЕТНОЙ МАТУШКИ**

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*
Редактор *И. Черкесова*
Технический редактор *Э. Кондрашова*
Корректоры *Г. Абудеева, Н. Родионова*
Верстка *М. Алимбиев*
Фото на обложке: *В. Дубровский*

Подписано в печать 06.03.2019
Формат 84×108/32 . Объем 4,5 печ. л.
Тираж 3000 экз. Заказ №
Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
119435, Москва, ул. Погодинская, 18
Оптовый отдел реализации: (499) 246-20-85, 246-52-08
Магазин на ул. Погодинской: (499) 245-30-68
Магазин на ул. Бакунинской: (499) 246-25-35
e-mail: books@rop.ru. <http://www.rop.ru>